

# НА КУХНЕ

*1914*



Милева сидит за кухонным столом. Лето. Раннее утро. Через открытое окно проникает ночная прохлада.

Она ладонью разглаживает исписанные от руки листы бумаги. Знает, что они от Альберта, но переворачивает их и изучает подпись, словно все еще не веря, что он мог что-то такое написать. Хотя ей и трудно поверить, она слишком хорошо знает почерк своего мужа: наклонные буквы, характерные витиеватые L и N. В его почерке так много завитков, что даже фальсификатору было бы трудно его подделать. Если бы Альберт подписался только буквой А, она бы все равно поняла, что это от него. Она получила достаточно его писем, много раз видела, как он вычурно подписывается. Глядя на послание, полученное вчера, она не ощутила, что в какой-то момент он остановился и засомневался. Напротив, почерк ровный, рука уверенная. Милева узнала даже синие чернила, — она приобрела их для него в Цюрихе, в писчебумажном магазине, где обычно покупает бумагу в пачках и школьные тетради для Ганса Альберта.

Она читает письмо, которое вчера принес коллега мужа — Фриц Габер<sup>1</sup>. Альберт, как настоящий трус, не осмелился вручить его лично.

*Берлин, 18 июля 1914 года*<sup>\*2</sup>

*Условия:*

*А. Ты будешь заботиться:*

- 1) о том, чтобы моя одежда, нижнее и постельное белье всегда были чистыми;*
- 2) о том, чтобы я получал трехразовое питание у себя в комнате;*
- 3) о том, чтобы моя спальня и кабинет содержались в порядке, а особенно, чтобы моим столом не пользовался никто, кроме меня.*

*В. Ты откажешься от всех личных отношений со мной, если только это не потребуются по социальным причинам. Особо ты будешь воздерживаться от:*

- 1) моего общения с тобой дома;*
- 2) совместных путешествий.*

---

<sup>1</sup> Фриц Габер (1868–1934) — немецкий химик, лауреат Нобелевской премии (1918). — *Здесь и далее, если не указано иное, прим. пер.*

<sup>2</sup> Цитаты, обозначенные \*, взяты из подлинных писем. — *Прим. авт.*

С. В отношениях со мной ты будешь придерживаться следующих правил:

- 1) не будешь ожидать от меня близости и не будешь меня ни в чем упрекать;
- 2) перестанешь со мной разговаривать, если я тебя об этом попрошу;
- 3) немедленно и без протестов покинешь мою спальню или кабинет, если я этого потребую;
- 4) не будешь подрывать мой авторитет перед нашими детьми ни словами, ни действиями.

«Это просто письменное подтверждение ситуации, в которой я оказалась, — думает Милева. — Если не соглашусь на эти унижительные условия, то совместной жизни придет конец».

Она кладет бумаги на стол и подходит к окну. Опирается на деревянную раму. Затем касается пальцами стены, как будто боится упасть. Чувствует необходимость дотронуться до чего-то прочного и неизменного. Словно ей требуется подтверждение, что она здесь, что жива. Со знает, что в ночной рубашке и с растрепанными волосами выглядит жалко. Но на кухне пока нет никого, кто мог бы увидеть, как она неуверенно двигается и часто моргает, пытаясь сдержать слезы. «Я больше не могу плакать, — говорит она себе. — Мне надо взять себя в руки и решить, что делать».

Милева глубоко вдыхает утреннюю свежесть. Окно кухни выходит во двор. Берлинский серый — так она называет мрачный цвет фасадов, улиц, дворов. В этом городе ей не хватает вида на горы и зелень, к которым она привыкла в Цюрихе. Ей не хватает света. Ей не хватает воздуха. Запах вчерашнего ужина — жареных сосисок и картофельного салата — все еще тянется по кухне. На плите жирная сковорода и фарфоровая миска с остатками еды. Хлеб на столе зачерствел. Служанка Фрица и Клары<sup>3</sup> Габеров — друзей, к которым она с мальчиками приехала дней десять назад, — еще не пришла. Милева и сама могла бы вчера вечером убрать еду в кладовку. Но не было сил. Сломленная «Условиями» Альберта, она настолько ошеломлена, словно ее только что сильно ударили по голове. «Так наверняка чувствует себя боксер после боя», — думает она.

Когда вчера вечером она прочла это его «письмо», то поначалу изумилась. Потом у нее случился приступ смеха. «Условия» Альберта напомнили ей предупреждения, вывешенные в деревенских кондитерских: «Не причисываться!», «Не плевать на пол!». Наверное, совершенно бесполезные, поскольку посетители, для которых они предназначены — те, кто испытывает соблазн достать расческу перед зеркалом в кондитерской

---

<sup>3</sup> Клара Иммервар-Фабер (1870–1915) — немецкий химик, борец за права женщин.

или плюнуть, — в большинстве своем не умеют читать. Сама она смогла в этом убедиться, когда летом заглянула в такую кондитерскую, единственную в Каче — деревне, где находится имение ее родителей, — и увидела парня, поправляющего прическу перед зеркалом на стене, прямо рядом с письменным предупреждением.

Ей вспомнилось, как ее и подругу Десанку смешило объявление, висевшее в их школьном туалете. Там говорилось: «Мойте руки перед едой и после опорожнения тела». Их забавляло сочетание слов «еда» и «тело». Если кому-то из них нужно было отправиться в «одно место», как называли его тогда, они просто говорили: еда — тело.

«Эти “Условия” Альберта выглядят как предупреждение о еде и теле», — подумала она. «Дорогая Милева, просто мой руки как следует, не плюй на пол, не причесывайся в кондитерской, прикрывай рот рукой, когда кашляешь, не рыгай на людях, скрещивай ноги, когда садишься, молчи, пока к тебе не обратятся, и води себя примерно, как хорошая девочка, тогда все будет хорошо», — сказала она себе. На нее напал истерический хохот, а потом она все не могла поверить, что Альберт написал это всерьез. Как он смеет выдвигать ей условия совместной жизни! Ей, Милеве, на которой он женат уже одиннадцать лет, матери его двоих сыновей! Гансу Альберту десять лет, а Эдуарду на днях будет четыре.

Она скомкала листы и бросила их на пол.

Смех помог ей лишь на мгновение, немного перевести дух. Милева не могла сразу принять тот факт, что его «Условия» реальны. Поняла это, только когда почувствовала реакцию тела. Только когда ощутила пустоту в груди, когда не смогла сделать вдох, когда сердце подпрыгнуло, как взбесившаяся кошка, выпустившая когти, чтобы вырваться из грудной клетки, когда почувствовала хорошо знакомую боль. Она знала, что именно эта боль — ее мера реальности, ее верное напоминание. Боль всегда появляется, когда по какой-то причине Милева отказывается принимать то, что с ней происходит. Ей едва удалось не погрузиться в состояние полной безнадежности. Боль предупреждает ее. «Пока мне больно, я, по крайней мере, знаю, что жива», — думает она, прислонившись к стене кухни.

Бессонная ночь осталась позади. Милева знает, что слабость, которую чувствует этим июльским утром, — всего лишь следствие вчерашнего шока. Слабость обычно предшествует приступу мигрени и тошноты. Головной боли она боится больше всего, потому что та по несколько дней держит ее в постели. Она уже чувствует, как тупая боль в затылке превращается в колющую и становится все сильнее. А после мигрени обычно надолго наступают апатия и оцепенение, которые ее ужасают. Ведь она не одна, у нее есть дети. Решение, которое ей сейчас предстоит принять, касается и их.

«Я не должна позволить себе сломаться. Надо что-то предпринять, чтобы не разболелась голова. Мальчики сейчас проснутся! Где же это новое лекарство, куда я его положила?» — думает Милева, нервно копаясь в сумочке. Достает два пакетика порошка и выпивает его, растворив в стакане воды. Затем вертит стакан в руке. Ждет, когда боль отступит, остановится перед препятствием, попадет в ловушку, которую только что расставило для нее лекарство. Не остается ничего иного, как сидеть и ждать, пока она не пройдет.

Вчера вечером, несколько раз прочтя дерзкое послание Альберта, она пожелала Габерам спокойной ночи и попросила Ганса Альберта помочь ей дойти до кровати. Клара принесла ей чай. Она тоже прочитала «Условия», но ей они совсем не показались смешными. Нет, особенно после того вечера, когда Милева с детьми появилась у ее двери. «Альберт снял квартиру, нам некуда деваться», — просто сказала ей Милева. Разумеется, Клара пригласила остаться у них с Фрицем. Дети были сонными, а Милева — бледной и растрепанной. По ее лицу Клара увидела, что та в полном отчаянии. Уложив детей, Милева рассказала, что поссорилась с Альбертом, потому что он снял квартиру. «Как он вообще мог снять квартиру, не сказав мне об этом? Альберт сделал это, чтобы вынудить нас вернуться в Цюрих», — сказала она Кларе. Она не стала вдаваться в подробности, даже

в таких обстоятельствах оставаясь сдержанной. Не рассказала, как до нее дошли слухи, что Альберт влюблен в свою кузину Эльзу. Она слышала, что об этом говорят в Институте<sup>4</sup>; возможно, Фриц тоже слышал и рассказал Кларе. У Милевы не было сил упоминать об этом, как и о том, что она уже некоторое время подозревает Альберта в неверности. Клара не утешала ее, потому что знала: в этом нет смысла. Она просто держала Милеву за руку, а по щекам той текли слезы. Прикосновение руки Клары было теплым и уверенным. В тот момент Милеве не на что было опереться, кроме как на прикосновение почти незнакомой женщины.

Так они провели вечер, две женщины, одни на кухне. Между ними стол с тарелками и остатками ужина. И печаль, лежащая на них, как тяжелая мантия.

Милева снова подходит к окну и без сил опускается на стул, словно путь сюда от стола тянулся несколько километров. Ей понятно, что это всего лишь физическая реакция на психологический удар, полученный от Альберта. Она плохо себя чувствовала в Берлине еще до этого события, приехала сюда, потому что Альберт так захотел и у нее не было выбора. Девять лет

---

<sup>4</sup> Институт физической химии и электрохимии им. кайзера Вильгельма, основан в 1911 г. В настоящее время носит имя Ф. Габера.

он работал в Патентном бюро в Берне<sup>5</sup>, после чего недолго был профессором в Политехникуме<sup>6</sup> в Цюрихе, а потом и в Праге<sup>7</sup>. И вот теперь наконец получил должность, которая позволяла ему уделять больше времени исследованиям и научной работе, а также обеспечивала более высокое жалованье: он стал членом Прусской академии наук, профессором и директором нового Физического института имени кайзера Вильгельма. Что она могла сказать, чтобы он отказался от предложения? Что ей и мальчикам будет лучше в Цюрихе? Что там она привыкла жить и чувствует себя более уверенно? Что мальчикам будет трудно освоиться на новом месте? Возможно, Альберт даже согласился бы с некоторыми из ее доводов, но, когда он сказал, какое жалованье ему предлагают, она не осмелилась возражать против переезда. Деньги им были нужны, а она не зарабатывала. У нее не было выбора. Ей пришлось последовать за ним.

Три месяца назад, переехав из Цюриха в Берлин, они нашли квартиру на Эренбергштрассе. Милева не сразу ее обустроила. У нее было ощущение, что они там временно, поэтому некоторые чемоданы остались нераспакованными. Все еще стоят в коридоре, рядом с ящиками

---

<sup>5</sup> Федеральное бюро патентования изобретений.

<sup>6</sup> Высшее техническое училище.

<sup>7</sup> Карлов университет в Праге. В 1911 г. А. Эйнштейн возглавил кафедру физики.

с посудой и постельным бельем, загораживая проход в комнаты. Когда она делала замечания мальчикам за неопрятность, старший, Ганс Альберт, бунтовал. «Мы все еще переезжаем, мама», — говорил он.

Поначалу это ее беспокоило, и она упрекала себя, что у нее не хватило желания наконец-то обустроить новый дом. А теперь, прочитав «Условия» Альберта, она думает, что не сделала этого не потому, что у нее было дурное предчувствие. Но почему? В том, что Альберт часто отсутствовал, не было ничего необычного. Может быть, потому что он хмурился и его все раздражало? Даже приставания маленького Эдуарда, которого ласково называли Тэтэ<sup>8</sup>, с вопросом, когда они вдвоем пойдут гулять. Еще недавно Альберт сажал его к себе на колени и терпеливо объяснял, как по небу движутся планеты, или рассказывал ему сказки. Теперь он просто грубо его обрывал. Искал отговорку, чтобы выйти куда-нибудь вечером. Возвращался поздно. Потом перебрался в другую комнату.

Настроение его быстро менялось. Обычно для Милены это было признаком, что его что-то мучает, но на ее вопросы он не отвечал.

Она припомнила, что два года назад, после поездки в Берлин, он получил поздравительную открытку,

---

<sup>8</sup> Домашнее прозвище Эдуарда Эйнштейна, от *petit* (фр.) — малыш.

которая вызвала у нее подозрения. Открытка была от кузины Эльзы Лёвенталь, и в ней не было ничего странного, за исключением того, что она никогда раньше ему не писала. Когда Милева упомянула об этом, Альберт не отреагировал с иронией, как обычно, а разозлился. «Какое тебе дело? Откуда ты знаешь, что она не писала мне раньше?» — рявкнул он. — «Альберт, почему ты так разговариваешь? Почему ты на меня кричишь?» — Она прикоснулась к его пиджаку, но он грубо ее оттолкнул.

«Какой же я была жалкой! Почему я думала, что такое с нами никогда не может случиться?»

Прочитав «Условия», Милева попросила Фрица передать Альберту, что согласна на все. Она понимала, что делает это от бессилия. Что ей остается? Какие у нее есть возможности? Нет ни денег, ни работы, нет и наследства. Милева и раньше чувствовала себя боксером на ринге, привыкшим получать удары. От рождения хромая, она терпела насмешки сверстников, а потом и других людей из провинции, когда захотела получить высшее образование, будучи женщиной. Терпела высокомерие матери Альберта, пережила потерю первого ребенка. В юности она часто злилась на себя, потому что привыкла молча сносить удары. Это означало определенную склонность к попустительству, пассивности. Склонность к капитуляции. Возможно ли, что и теперь она капитулирует

перед болью и не ответит ударом на удар? Она просто струсит, как и Альберт?

А потом, закрыв за собой дверь спальни и оставшись в одиночестве, Милева почувствовала, как вся ее накопившаяся горечь превращается в гнев. «Так почему же я согласилась на такое унижение? Кто он такой, чтобы думать, что может обращаться со мной как с прислугой? Условия? Правила? Лучше бы он сам их сжег, чтобы не опозориться, если они попадутся кому-то на глаза. Воспитание не позволяет мне жить рабыней. Отец давал мне образование не для того, чтобы я стирала мужу белье и молча подавала ему еду!»

Этот поступок Альберта пробудил в ней нечто, чего она давно не чувствовала, — гордость. Словно она опять маленькая хромающая девочка, которая снова возвращается домой в одежде, испачканной грязью. На следующий день надевает чистое платье и идет в школу, где с теми же самыми детьми, которые вчера дразнили и били ее, сидит в том же классе, как будто ничего не произошло. Она не хочет показывать им, что они ее оскорбили. Просто она будет лучше их, лучшей. Она запомнила слова отца: «Ты должна найти способ показать им, чего ты стоишь».

В мужской гимназии в Загребе сверстники притворились, что не видят ее, когда она вошла в класс на урок физики, толкались и говорили ей гадости вполголоса. Однако в конце года у нее были самые лучшие оценки.

На школьном балу она тщетно ждала, что кто-нибудь к ней подойдет пригласить на танец. А потом возвращалась домой, задыхаясь от слез. Но в следующий раз на танцах она играла на фортепиано, и все ей аплодировали. Когда она стала единственной женщиной, поступившей в Политехникум в Цюрихе, ее встретили те же взгляды, что и хромающую девочку. Словно она какой-то монстр, а не женщина. Тогда из глубины гнева в ней поднималось спасительное чувство гордости, и на мгновение она забывала, что иная и потому слабее.

Вот так будет и теперь. «Альберт, ты просчитался. На этот раз ты слишком далеко зашел со своими требованиями. Ты меня оскорбил, ты запятнал все годы, что мы провели вместе. Ты не заслуживаешь, чтобы я оставалась с тобой. Я ухожу от тебя, потому что ты больше не тот человек, которого я знаю», — вот что она ему скажет.

Она всю ночь не сомкнула глаз, лежа рядом со спящими мальчиками. На чужой кровати, в чужой комнате, в чужом городе. Еще до наступления утра Милева решила, что вместе с детьми как можно скорее покинет Берлин. Вернется в Цюрих. Утешает, что Альберт, скорее всего, не захочет оставлять сыновей, — если это вообще может служить утешением. Что он будет с ними делать? Отдаст в школу с полным пансионом? Более того,

она потребует от него пообещать, что он никогда, никогда не будет оставлять мальчиков со своими родственниками! Его матери Паулине будет нетрудно с этим согласиться, она из-за Милевы так и не полюбила внуков. Но Альберту будет не хватать прогулок с Тэтэ и походов в горы с Гансом Альбертом.

Милева больше не видит смысла находиться в Берлине. Она не сможет остаться, даже ради благополучия мальчиков. Не ценой выполнения его «Условий». Ни шок, ни слабость, ни надвигающаяся мигрень ее не остановят. Особенно после того, как за первым письмом тут же последовало второе, не менее отвратительное. В нем Альберт объяснял:

*Я готов переехать обратно в нашу квартиру, потому что не хочу потерять своих детей и не хочу, чтобы они потеряли меня, это единственная причина. После всего, что произошло, о дружеских отношениях не может быть и речи. Это будут лояльные деловые отношения, личные аспекты должны быть сведены к минимуму. Взамен заверяю тебя, что буду вести себя подобающе, так, как вел бы себя с любой другой посторонней женщиной. Моего доверия к тебе достаточно для таких отношений, но только для них. Если ты так жить не сможешь, то я приму необходимость развода\*.*

Она провела ночь, размышляя над его словами. Так подробно и тщательно разработанные условия совместного проживания, которые он ей выдвинул, были действительно унижительными. И все же казалось, что они предназначались не только ей и не были исключительно личными. Альберт как будто обобщил и показал, как живут другие женщины, зависящие от мужей. Существовали жесткие социальные правила поведения, определяющие баланс сил, хотя они не были сформулированы столь грубо. В ее окружении было мало исключений, мало женщин, которые нарушили эти правила и стали независимыми. Даже в Берлине такие женщины, например Клара, были исключением.

Почему же Милева верила, что она одна из них? Может быть, потому, что принадлежала к первому поколению женщин, получивших высшее образование? Она думала о своей матери Марии, у которой не было возможности окончить больше четырех классов начальной школы. И что еще хуже — она даже не считала, что имеет право на большее. И об учительнице Смиле из школы в Руме, благодаря которой она и сама захотела стать учительницей. «Милева, ты любишь читать и быстро учишься, будет печально, если ты не получишь образования. Знания — это единственное, что стоит копить, единственное, что мы заберем с собой в могилу», — сказала она. Милева помнит, что слово «могила» заставило ее вздрогнуть. Но, возможно, именно поэтому ей

запомнился тот разговор и она пересказала его своим родителям. Мать взволнованно сказала: «Мица, учительница права, я не смогла учиться дальше, но ты можешь». Тогда Милева впервые услышала от матери о ее желании получить образование, впервые ее мать дала понять, что иногда чувствует себя менее достойной, потому что не осуществила свое желание. Но Милева отгоняет мысли о ней именно потому, что вспоминает, как сама не воспользовалась возможностью, и ее отказ от получения диплома был для матери, возможно, более болезненным, чем для отца.

Спустя годы, поступив на физический факультет Политехникума в Цюрихе, она была благодарна своей учительнице и отцу, Милошу, который отправил ее в гимназию и даже сумел добиться для нее разрешения посещать уроки физики в Королевской гимназии в Загребе, предназначенные только для мальчиков. Она все еще помнит изумленные взгляды, когда впервые появилась в дверях школьной лаборатории. Теплым берлинским вечером она содрогнулась от воспоминания об одиночестве, о том, как сидела отдельно от группы юношей и слушала лекции. Иногда ей снилось, как она входит в аудиторию и никто не оборачивается, потому что ее никто не видит. Она пытается им что-то сказать, кричит, плачет. Никто не слышит.

Ей понадобилось немало сил, чтобы приходить на каждый урок и не бросить учебу. Она упреждалась

в безразличии. Ее увлечение физикой было слишком велико, чтобы уступать тем, кто был хуже нее, сдаваться из-за посредственностей, которые считали себя лучше только потому, что родились мужчинами. А она, в отличие от них, благодаря своей успеваемости даже была освобождена от платы за учебу.

Позже она гордилась тем, что стала студенткой факультета математики и теоретической физики — единственной девушкой на своем курсе и одной из немногих в Европе. Что ее довело до ситуации, в которой она оказалась, — без диплома, без работы и на самом деле без мужа? Виной ли этому ее мальчишки? Ганс Альберт, теперь уже школьник, и маленький Тэтэ, который сейчас прижимается к ней во сне? Дети стали для нее оправданием, чтобы упустить шанс закончить учебу и устроиться на работу? Да, это так, она знала. Но не двое мальчиков, прижавшихся к ней, а девочка, о которой никому нельзя было знать. При мысли о первом ребенке, которого она бросила и о существовании которого никто из друзей не знал, Милева чувствует, как задыхается, словно все, что она сейчас переживает, послано ей в наказание.

Второе письмо от Альберта, которое Фриц принес позже тем же вечером, показалось ей более личным и потому еще более жестоким, чем первое. Альберт употребил слово *посторонняя*, которое, как ему было известно, ранит ее сильнее, чем любое другое. Он пишет,

что будет относиться к ней, как «к любой другой посторонней женщине». Не предлагает даже дружеских отношений, а только деловые. Очевидно, в обмен на то, что он будет ее содержать, ей придется выполнять определенную работу, а именно вести его домашнее хозяйство и заниматься детьми. Как любой домработнице, которую он мог бы нанять за ежемесячную плату. Он действительно думает, что его предложение корректно и великодушно? Или намеренно ее оскорбляет, потому что на самом деле хочет от нее избавиться и просто нашел для этого легкий способ? Сформулированное таким образом, на бумаге, его решение кажется более реальным. Это как с идеями: они становятся яснее, если их записать. Но он забыл, что люди — не идеи и что слова, обращенные к ней, могут иметь последствия. Он вообще такое понимал с трудом. Оскорбив кого-то своей «шуткой» или ироничным замечанием, он всегда удивлялся, почему человек разозлился. Сказав ее подруге Хелене, что будущий муж той — скучный толстяк, он не понял, что оскорбил их обоих, и потом ему пришлось извиняться. Она не знала, сумела ли Хелена простить его, хотя Милева уверяла ее, что он не имел в виду ничего такого, и даже заставила его попросить прощения. Милева была его однокурсницей в университете. Его напарницей. Любовью всей его жизни. Потом женой и матерью его детей. А теперь она стала той, кого он называет посторонней женщиной. В этих словах есть что-то, что по-настоящему

глубоко ранит. Даже сильнее, чем все его условия и правила. Она знает его с семнадцати лет, когда у него только начали пробиваться усы. Знает, что за его непристойным поведением и насмешками скрывается неуверенность. Он был неловким, неудачливым мальчиком, который нашел в ней защитницу. Никто и никогда не был ему ближе, чем она. Ни сестра Майя, ни мать Паулина.

«Могут ли люди, прожившие вместе столько лет, действительно стать друг другу чужими? Может случиться так, что они перестанут ладить друг с другом, что в их жизнь войдут другие люди и изменят ее, но не станут же они чужими совсем. Они могли бы стать даже врагами, как сейчас, но не чужими», — думает Милева, придвигаясь ближе к краю кровати, чтобы освободить больше места для мальчиков.

Она помнит, как впервые его увидела. С веселыми глазами и взъерошенными черными волосами, он показался ей незрелым мальчишкой. Саркастические замечания и шутки не сделали его любимцем небольшой студенческой группы. Но он был самым младшим, и ему многое прощали. По сравнению с ним, например, их коллега Марсель Гроссман<sup>9</sup> был взрослым мужчиной. Альберт не был вежлив и с профессорами. К профессору

---

<sup>9</sup> Марсель Гроссман (1878–1936) — швейцарский математик, друг А. Эйнштейна, соавтор его первых работ по общей теории относительности.

Веберу<sup>10</sup> он обращался «господин», а не «профессор», даже после того, как тот его строго предупредил о правилах поведения в Политехникуме. Альберт относился к правилам поведения несерьезно, и это дорого ему обошлось после окончания учебы. Не исключено, что именно поэтому Вебер не хотел писать ему рекомендацию для приема на работу. Но такое его отношение к правилам и пренебрежение заданными рамками в теоретической физике помогли ему совершить ключевые открытия. Милева понимала, как устроен Альберт, и старалась его защитить. Особенно от своих подруг из пансиона фрау Энгельбрехт, где она жила во время учебы. Несмотря на свою поверхностность и легкомыслие, Альберт был разговорчив и забавен, превосходно играл на скрипке, и девушки с удовольствием присоединялись к их вечерним концертам, когда Милева аккомпанировала ему на фортепиано. Музыкальность открывала ему все двери.

«Когда он поцеловал меня в первый раз в той комнатке в пансионе, я думала, что это произошло спонтанно, как-то случайно. В тот вечер мы играли Моцарта, одного из его самых любимых композиторов. Оставшись одни, сели голова к голове и смотрели в одну книгу. Вдруг

---

<sup>10</sup> Генрих Фридрих Вебер (1843–1912) — немецкий физик, заведующий кафедрой физики в Политехникуме.

он повернулся и поцеловал меня. Позже он признался, что долго собирался с духом, ждал удобного момента, когда мы останемся наедине. “Я играл Моцарта специально для тебя, ты заметила?” — спросил он. Я не сказала ему, что даже тогда видела в нем больше мальчика, чем мужчину.

Боюсь, Альберт, что ты оставался таким все эти годы...

А теперь... теперь с меня хватит, — подумала Милева, подбирая крошки со стола. — Придется тебе научиться отвечать за свои поступки».

Милева мысленно перечисляет свои чувства после прочтения «Условий» и последовавшего за ними письма: отчаяние, гнев, разочарование, негодование. Гордость. Только гордостью объясняются два ее противоречивых решения: сначала согласие на все его условия, а вскоре после этого — решимость покинуть Берлин. Все-таки она не была его бывшей девушкой Мари Винтелер<sup>11</sup>, которой он отправлял узлы с грязным бельем, без слов, без записки, и она возвращала его выстиранным и выглаженным, с любовным письмом, надеясь, что сможет его удержать. Альберт, писавший не ей, а ее родителям, в свою очередь покровительственно называл ее *милым*

---

<sup>11</sup> Мари (Мария) Винтелер (1881–1951) — дочь профессора Йоста Винтелера, преподавателя истории и древнегреческого языка, в доме которого А. Эйнштейн жил на полном пансионе в 1885–1896 гг.

*ребенком\** и *прелестной девушкой\**. Хотя та барышня была старше Альберта, которому было всего лишь семнадцать. И Милева была старше. Когда они познакомились на первом курсе, разница в возрасте в четыре года не представлялась им важной. И вот теперь оказалось, что Альберт не только моложе ее, но до сих пор так и не повзрослел. Взрослеть — значит брать на себя ответственность за свои поступки, а этого он избегал.

Альберт изменился, но не повзрослел. Особенно он изменился за последние несколько лет, с тех пор как стал востребованным преподавателем. После многих лет, проведенных в Патентном бюро в ожидании лучшей работы, он наконец начал получать предложения от университетов не только в Цюрихе или Праге, но и в Лейдене и Утрехте. Милева знала, что он податлив, хочет, чтобы его считали обаятельным, и, как теперь оказалось, еще и тщеславен. Хотя и пытается это скрыть. Но она никак не ожидала, что семья будет значить для него все меньше и меньше.

Сидя в растерянности на кухне, Милева больше не может отделаться от воспоминаний о прошлом и от ощущения, что сейчас переживает момент, когда ее жизнь разделяется на две части: с Альбертом и после него. Как мальчики с этим справятся? Он был хорошим отцом, старался проводить с ними время. Ганс Альберт очень привязан к нему. «Ему придется труднее всего», — думает Милева, возвращаясь в комнату, и осторожно

укрывает сына простыней, словно так она сможет защитить его от надвигающейся беды. Он достаточно взрослый, чтобы понять, что произошло. Однако о Гансе Альберте она беспокоится меньше, чем о Тэтэ, который на любое изменение реагирует болезнью. Она касается губами его потного лба. Температуры нет. Он спит спокойно — пока.

Она опять ощущает, что печаль накатывает и омывает ее как морской прилив. Так же, как осенью 1902 года, когда она села в поезд до Цюриха и уехала из Нови-Сада, оставляя с родителями маленькую дочку. Воспоминание о мгновении, когда она вышла из дверей комнаты, где в колыбельке лежала Лизерль, вызывает у нее боль, от которой она так и не оправилась.

«Я не оставила ее, я ее бросила. И никогда больше не видела», — думает Милева, прикусив губу. Со временем ее снова охватывают беспокойство и нерешительность. А еще сегодня рано утром она была так уверена в себе.

Глядя на спящих детей, она терзается неопределенностью, от которой некуда бежать. Боится самой себя. Боится, что ее одолеет еще большая слабость. Иногда с ней случается такое: ее сковывает тяжесть, оцепенение, которые не дают возможности двигаться. Тогда она не может подняться с постели, не говоря уже о том, чтобы ходить, хотя физически полностью здорова. Ей

не хочется называть это состояние его настоящим именем, психическим заболеванием. Не хочется «накликать беду», как сказала бы ее мать. Называть вещи своими именами опасно, хотя иногда Милева думает, что это суеверие она унаследовала от родных, как черты лица, передающиеся в семьях по наследству. Все это она осознает и старается взять себя в руки, не поддаваться искушению укрыться в своей темнице. Тогда она, конечно, не сможет уехать из Берлина. Если опять вернется в кровать, если уступит внутреннему порыву, который заставляет ее лечь, то нескоро встанет.

«Я не должна стать обузой для этих людей, которые так тепло нас приняли. Не могу поставить коллегу Альберта в неловкое положение. Фриц и Клара достаточно привлекли к себе внимание, приняв нас на время у себя. К кому еще я могла бы пойти в Берлине? Уж точно не к его родственникам. На самом деле, покидая квартиру, я уже сделала первый шаг к тому, чтобы расстаться с Альбертом. В тот момент, когда я с одним саквояжем в руках захлопнула дверь квартиры, я обрекла себя на уход. Он это чувствует и поэтому осмеливается посылать мне такие оскорбительные требования, понимая, что я не послушаюсь.

Посторонняя? Ну, пусть будет так».

Сейчас надо бы приготовить завтрак для мальчиков. Вскипятить молоко и снять пенку, маленький Тэтэ

терпеть ее не может. Позже написать письма госпоже Гурвиц в Цюрих и родителям в Нови-Сад. Милева будет очень занята, это единственный способ не дать стенам внутри нее сомкнуться и превратить темницу в могилу. Печаль, которая охватывает ее, подобна давней боли в суставах, привычной, но оттого не менее мучительной. Как известь, которая откладывается в кровеносных сосудах, пока полностью их не перекроет.

«Вот так я и умру, — думает она. — Окаменевшей».

Надо как-то взять себя в руки, прежде чем проснутся домашние. После завтрака она пойдет с мальчиками в парк неподалеку от дома и сядет в тени. Она не любит летнюю жару в городе, когда раскаленный асфальт прилипает к туфлям. Ей трудно ходить, она все время спотыкается о малейшую неровность. Босоножки тяжелые, как зимние ботинки, особенно та, что с ортопедической подошвой, которую ей приходится носить из-за короткой ноги. Она привыкла к хромоте, со временем для нее это стало просто физическим фактом, а не изъяном. Но иногда кажется, что хромота становится решающей чертой, которая определяет ход ее жизни. Что-то вроде судьбы. Хромота как судьба — так ли это на самом деле? Сколько раз в юности она убеждалась, что для молодых людей внешность — самое главное. И не это ли стало одной из причин, по которой она ценила Альберта, умевшего разглядеть что-то за внешностью, за хромотой? Даже когда однокурсники обратили его внимание

на это, Альберт в Милеве еще долго замечал иную красоту, и благодаря этому она, по крайней мере на время, забыла о своем изъяне. Сегодня она женщина-инвалид тридцати восьми лет, с огрубевшими чертами лица и седеющими волосами, которая с возрастом все больше хромает, а иногда и вовсе не может ходить. Женщина, которая не научилась жить без Альберта.

Еще немного, и мальчики встанут.

Зачем он вообще потребовал переехать в Берлин, если уже был влюблен в Эльзу? Особенно тяжело Милеве из-за Тэтэ. Он болезненный, в мгновение ока простужается или подхватывает что-нибудь похуже. Корь, ветрянка, свинка — нет такой детской болезни, которой бы Тэтэ не переболел. В отличие от старшего, Ганса Альберта, который, к счастью, ходит в школу, и это отвлекает его от мучительной ситуации дома. Супруги Габер стараются, но поведение Альберта их тоже ранит, и они не могут удержаться от комментариев в его адрес, пусть и сдержанных, по крайней мере в присутствии детей. Да и мальчики чувствуют, что ситуация ненормальная. Сам по себе приезд к Габерам уже был потрясением. Ганс Альберт понимает, что мать с отцом больше не разговаривают, что между ними напряжение. Но он не задает вопросов, а когда Тэтэ спрашивает об отце, то говорит ему: «Не беспокой сейчас маму, она тебе объяснит, когда у нее будет время». Когда

мальчики проснутся, она им скажет, что скоро они вернутся в Цюрих, где привыкли жить. Это, возможно, облегчит расставание с отцом. Там у них друзья. Здесь им все чужое. «Мама, почему мы должны жить в Берлине?» — как-то раз спросил Тэтэ. «Потому что папа получил здесь работу и хочет быть с вами». «Но его же вообще не бывает с нами», — захныкал малыш. И был прав. Приезжая в Цюрих, Альберт проводил с ними гораздо больше времени, на озере или в горах. Он научил их любить природу и музыку, и в этом они действительно похожи на отца.

«Мне следовало быть осторожнее и подождать месяц-другой, прежде чем переезжать в Берлин, чтобы посмотреть, как Альберт будет справляться без нас. Может быть, он даже не позвал бы нас с собой? По опыту мне следовало быть более осмотрительной в том, что касается его решений. Это не первый случай, когда вся семья куда-то переезжает, а потом возвращается в Цюрих».

Она вспоминает, что такое уже было в 1911 году, когда они переехали в Прагу, куда Альберта пригласили на должность профессора в Немецком университете. Милева до сих пор помнит пражскую квартиру в Смихове<sup>12</sup>. Они приехали ранним вечером, квартира была новая, просторная и ярко освещенная. Это была

---

<sup>12</sup> Район Праги.

их первая квартира с электричеством, а не с керосиновыми или газовыми лампами, и Милева пришла в восторг от такого новшества. Но когда она открыла кран в ванной, чтобы помыть руки, из него потекла ржавая вода. Ее приходилось кипятить. Из-за воды она опасалась за здоровье домочадцев, особенно Тэтэ, которому не было и года.

Но эти тревоги почти не касались Альберта, потому что он проводил дни вне дома, в университете. Или в литературном салоне Берты Фанты<sup>13</sup>, или в кафе «Лувр», где собирались пражские интеллектуалы и художники. Альберт, который обычно ходил туда со своим коллегой Филиппом Франком<sup>14</sup>, потом рассказывал ей, кто приходил в тот вечер и о чем они говорили, был ли это писатель Макс Брод<sup>15</sup>, композитор Леош Яначек<sup>16</sup> или затворник Франц Кафка, который садился в угол и только слушал беседы других или музыку.

Прага оказалась тем городом, где Милева все больше осознавала, что они с Альбертом начинают жить совершенно разными жизнями. Что стало причиной?

---

<sup>13</sup> Берта Фанта (1865–1918) — хозяйка известного литературного салона в Праге.

<sup>14</sup> Филипп Франк (1884–1966) — австро-американский физик, математик, философ-позитивист.

<sup>15</sup> Макс Брод (1884–1968) — немецкоязычный чешский и израильский писатель, душеприказчик и публикатор Ф. Кафки.

<sup>16</sup> Леош Яначек (1854–1928) — чешский композитор и музыковед-этнограф.

## СОДЕРЖАНИЕ

|                             |            |
|-----------------------------|------------|
| На кухне, 1914 .....        | <b>5</b>   |
| В поезде, 1914.....         | <b>95</b>  |
| В больнице, 1916–1919 ..... | <b>143</b> |
| На балконе, 1925.....       | <b>195</b> |
| В санатории, 1933.....      | <b>225</b> |